

РАЗРАБОТКА ОПЕРАЦИИ ДЕЛЕНИЯ В ТРАКТАТАХ СЕВЕРИНА БОЭЦИИ

Северин Боэций (480–524) — автор единственного трактата о делении¹, дошедшего до нас от античности и целиком посвященного логической операции деления. Большинство средневековых авторов логических трактатов ссылались на Боэция как на первый авторитет в этом вопросе и как на создателя «Древа Познания». И хотя первенство в изложении «Древа» надо, несомненно, отдать Порфирию, однако дошедшие до нас источники позволяют заключить, что Боэций действительно уделил значительное внимание процедуре деления. Об этом свидетельствуют как отдельный трактат «О делении», анализ которого мы представляем в данной статье, так и отрывки из других трактатов Боэция, где он касается науки деления и комментирует трактат Аристотеля и «Введение» Порфирия. Но еще больший интерес представляет осознанное применение им данной операции при разрешении конкретных проблем, что, несомненно, может стать темой отдельной статьи. Образцы такого применения мы находим почти в каждом сочинении Боэция, например, в его теологических трактатах (в частности, в трактатах «О Троице» и «Против Евтихия и Нестория»), где путем деления терминов, путем применения «Древа познания» им осуществляется определение таких понятий, как «личность», «лицо Троицы» и др. Нельзя не упомянуть также трактат «О различиях топов», в котором Боэций дает подробную и полную классификацию топических, риторических различий.

В трактате «О делении» Боэций представляет на суд читателя свой критический обзор науки деления. И хотя представленный материал достаточно традиционен, ибо подобный обзор деления можно встретить у многих комментаторов², только у Боэция он находит столь методичное и развернутое изложение.

Как обычно, Боэций предваряет изложение учения предислови-

---

¹ *Anicii Manlii Severini. Boetii Liber de divisione* // Migne J.P. *Patrologiae cursus completus. Patrologia Latina*. Т. 64. Paris, 1847. Col. 875–891.

² Например, у Давида Анахта (*Давид Анахт*. Соч. М., 1975) или Иоанна Дамаскина (*Иоанн Дамаскин. Диалектика, или Философские главы*. М., 1999) этот обзор занимает 1–2 страницы.

ем, из которого мы узнаем, какими источниками пользовался автор. Прежде всего он называет перипатетиков, «у которых эта наука была всегда в чести», о чем свидетельствует «книга о делении основательного старца Андроника». Сочинение последнего было одобрено серьезнейшим, по мнению Бозция, философом Платином, в частности, в его комментариях к «Софисту» Платона. Следующим Бозций называет Порфирия, который много говорил о пользе этой науки во «Введении к “Категориям” Аристотеля». Об этом и сам Бозций подробно пишет уже в своем «Комментарии к Порфирию», однако, анализируя трактат «О делении», мы видим, что круг источников Бозция был гораздо шире. Из их перечисления можно заключить, что все указанные источники были Бозцию хорошо знакомы и он решил их обобщить. Отметим также, что он видит свою работу неким введением в предмет, написанным в краткой форме. Можно полагать, что книга «основательного старца» Андроника Родосского была значительно объемней.

Виды делений

Прежде всего Бозций уточняет, какие бывают виды деления:

I. А) рода на виды; Б) целого на части; В) звукосочетания на несколько обозначений.

II. Деление приводящего признака, которое также осуществляется тремя способами: А) деление подлежащего <предмета> на приводящие признаки; Б) деление приводящего признака на подлежащие <предметы>; В) деление приводящего признака на другие приводящие признаки.³

Примеры первого вида:

1.А) род на виды: животных делим на разумных и неразумных; видов должно быть два и более, но не бесконечное число;

1.Б) целое на части: дом состоит из крыши, стен, фундамента и т. д., человек состоит из души и тела; кроме того, когда речь идет о человеке, то частями могут выступать отдельные люди — Катон, Цицерон и т. д.; но хотя они и взяты отдельно, каждый из них составляет сущность человека;

---

³Такую же классификацию мы встречаем в «Комментарии к Порфирию» в кн.: *Бозций. Утешение философией и другие трактаты*. М., 1996. С. 16–18. — Можно вспомнить о подобном обзоре деления и в трактате Бозция «О Троице».

I.B) слово «пес» ('canis') в латинском языке обозначает и четвероногое животное, и небесное тело в созвездии Ориона, и морскую собаку; деление звукосочетаний может осуществиться двумя способами: когда одно *имя* имеет несколько значений (как слово «пес»), и когда *речь* имеет несколько смыслов, например, двусмысленность, амфиболия, возникающая, к примеру, в следующем предложении: «audio Craecos vicisse Trojanos»⁴.

II Примеры второго вида:

II A) люди делятся на черных, белых и людей промежуточного цвета; человек здесь выступает не в качестве рода, а в качестве субъекта;

II Б) из всего благого одно находится в душе, другое — в теле, при этом блага, которые живут в душе или в теле, не являются родом для них, но и не виды их, а только подлежащие;

II В) привходящий признак можно делить на другие привходящие признаки: белое можно разделить на твердое и жидкое, а можно твердое разделить на черное и белое и т. д. и т. п.; это особое деление, не родовидовое и не членение целого на части; здесь, выделяя привходящие признаки, мы подразумеваем один и тот же предмет, одно подлежащее.

Бэций предлагает деление I называть *divisio*, а деление II — *distributio* (распределение). Особенности каждого деления отобразим с помощью таблиц.

Таблица 1. Сравнение различных видов деления

РОД — ВИД

Деление происходит по качеству (животное — качество для человека)
Род предшествует виду (если исчезает род, пропадают виды)
Вид состоит из рода и отличительного признака (т. е. из материи и формы, как статуя состоит из меди и своей особой формы)
Вид — то же самое, что и род (человек есть животное)

⁴ Данный латинский пример русского аналога не имеет. Двусмысленность возникает здесь в косвенной речи в связи с используемой в ней инфинитивной конструкции с двойным винительным падежом. Из-за этого непонятно, греки победили троянцев или троянцы греков. В русском языке нет такой конструкции косвенной речи, но по-русски двусмысленность может возникнуть и в прямой речи, когда именительный и винительный падеж не различимы, например, «платье задело весло».

ЦЕЛОЕ — ЧАСТЬ

Деление происходит по количеству (людей можно разделить на Катона, Цицерона и др.)
Часть предшествует целому (если уничтожат целое, части могут сохраниться, например, стены разрушенного дома)
Целое состоит из множества частей, поэтому целое и есть материя, а формой этого целого является расположение частей
Часть — не то же самое, что целое (рука человека — не человек)

Примечание: если целое непрерывно и часть части есть часть целого (например, кусок куска меди есть кусок меди), то может показаться, что часть становится целым для более мелкой части, но на самом деле такая часть не становится целым, так как по количеству она меньше первоначального целого.

Таблица 2. Различие распределения значений слов и распределения целого

<i>Распределение значений слов</i>	<i>Распределение целого</i>
Слова не делятся на части, а распределяются на те вещи, которые обозначают	Целое делится на свои части
При исчезновении вещей, обозначенных многозначным словом, слово остается, не перестает быть словом	При отнятии части целое перестает быть целым

Распределение слов и словосочетаний в зависимости от значения отличается от деления рода на виды тем, что первые делятся соответственно значениям и способам, которые допускает конкретный язык, а деление рода на виды является логическим, а не семантическим или синтаксическим.

Далее Боэций переходит к подробному разъяснению родовидового отношения, полагая, что это деление можно назвать и *divisio*, и *distributio*. Он повторяет известное нам по «Введению» Порфирия определение рода и вида: род есть то, что говорится о многих, различающихся по виду [вещах], а вид — то, что собрано в род. Род есть также то, что отвечает на вопрос о какой-либо вещи, *что* она есть, а отличительный признак еще более прямо отвечает на этот вопрос. Например, человек — животное (род) разумное (отличительный признак).

Род можно делить как на виды, так и на отличительные признаки (если отсутствует название вида). В последнем случае название вида должно быть составлено более чем из одного имени (человек — разумное животное), так как оно состоит из материи и формы, т. е. из рода и отличительного признака. Если же виду при делении сразу же приписывается собственное имя, значит, имеет место деление рода на виды.

Затем Боэций переходит к делению отличительных признаков на: 1) отличительные признаки сами по себе (*per se*) (для человека таким признаком будет умение считать); 2) отличительные признаки, данные посредством привходящих признаков; они, в свою очередь, делятся на *consequentes statim*, т. е. постоянно сопутствующие (для человека — светлые глаза, курчавые от природы волосы), и *relinquentes statim*, т. е. признаки, оставляющие в известном состоянии (для человека — сидение, стояние и др.).

Отличительные признаки, данные посредством привходящих признаков, не подходят для деления рода, так как, указывает Боэций, всякое деление должно служить цели определения. Необходимы только отличительные признаки сами по себе, которые присутствуют всегда и всякому субъекту и завершают субстанцию (для человека такими завершающими признаками являются разумность и смертность). Привходящие отличительные признаки можно выделить либо когда совершается какое-либо действие (например, человек садится), либо мысленно (отделив от человека его светлые глаза). Отличительный признак сам по себе (*per se*) нельзя отделить ни мысленно, ни действием (например, если отнять у человека умение считать, то, по Боэцию, не будет и человека). И все-таки этот признак — не субстанциальный, поскольку человек существует не потому, что умеет считать, а наоборот, умеет считать, поскольку является разумным и смертным. Именно эти отличительные признаки *per se* присутствуют и при делении рода, и при определении вида.

При перечислении признаков следует избегать их случайного противопоставления, например, когда говорят, что среди животных есть разумные и двуногие, это не значит, что одни животные — разумные, а другие — двуногие.

Виды противопоставлений

Бозций рассматривает четыре вида противопоставления:

- 1) противоположность (добро, зло);
- 2) обладание и лишение (зрение, слепота);
- 3) противоречие, т.е. утверждение и отрицание (Сократ жив, Сократ не жив);
- 4) отношение (отец — сын, господин — раб).

Какие же из них подходят для деления рода на виды?

Бозций начинает разбор с третьего вида, противоречия (утверждение и отрицание). Отрицание не способно создать вид, так как «не быть человеком» — не вид, ибо всякий вид включает в себя «быть», и отрицание разрушает субстанцию вида. Однако часто приходится разделять род на виды посредством отрицания, если нет соответственного наименования вида. Например, числа делятся на простые и непростые. Такое деление происходит по необходимости, а не по велению природы. Отрицанием отделяется часть, но начинать следует с утверждения. Если же начать с отрицания, то не познаешь ни того, ни другого, либо позже познаешь одно из двух. Итак, при истинном делении следует сначала утверждать, а потом отрицать. Конечное должно быть первее бесконечного, равное раньше неравного, доблесть раньше порока, определенное раньше неопределенного и т. д.

Лишение и обладание, второй вид противопоставления, схоже с вышерассмотренным противопоставлением, но отрицание может быть всегда, а лишение — только в случае обладания, о чем говорит нам, замечает Бозций, учение о предикаментах. Аристотель в «Физике» указывает, что слепой некоторым образом приспособлен к лишению зрения. Бозций отмечает, что одни виды лишения обозначаются с помощью отрицательной частицы (бесконечное), а другие имеют собственное обозначение (слепой, холостой). Таким образом, лишение — обладание как вид противопоставления также годится для деления рода, но сначала следует утверждать, потом отрицать, указывая на лишение.

Иногда сомневаются, не предшествует ли лишение обладанию, когда полагают, что черное — это лишение белого, а белое — лишение черного. Это, отмечает Бозций, иной вид противопоставления, при котором имеется середина лишения, т. е. кроме белого и черного цветов есть нейтральный. Бозций снова сравнивает определение

и деление — и то, и другое состоят из двух терминов, а именно: определяя человека как разумное смертное животное, имеем разумное животное + смертное. Так и при делении, если делим род по отличительному признаку, то род делится на два термина. Хотя могут сказать, что из треугольников одни равносторонние, другие имеют две равные стороны, а у третьих все стороны неравные, на самом деле здесь не тройное деление, а двойное, так как сначала мы делим треугольники на равносторонние и неравносторонние, а после делим неравносторонние снова на два термина: 1) с тремя неравными сторонами; 2) с двумя равными сторонами.

Также и в случае, когда говорят, что из всех вещей одни хорошие, другие плохие, третьи безразличные; на самом деле деление осуществляется надвое, т. е. из всех вещей одни являются определенными, другие — неопределенными, а уже из определенных — одни хорошие, другие — плохие.⁵

Итак, противоположность (добро — зло, черное — белое) — это не лишение и обладание, но тем не менее годится для деления рода.

Остался последний, четвертый вид противопоставления, при котором одно соотносится с другим как господин и раб, отец и сын и т. д. Они не имеют субстанциальных отличий,⁶ но говорят лишь о том, что одно не может быть без другого. Значит, не следует делить род на соотносительные части. Господин и раб — не виды человека, как и среднее, двойное — не виды чисел. Итак, четвертый вид противопоставления при делении рода следует отвергнуть, а избрать нужно противоположность и лишение — обладание, т. е. первые два способа противопоставления.

Деление рода на виды: правила

Далее Боэций дает такое определение делению: деление есть *ближайшее* распределение рода на виды. Что значит «ближайшее»? Дело в том, что не всегда удается правильное деление из-за отсутствия у видов своих имен.

Однако Боэций, рассмотрев все четыре возможных способа про-

---

⁵ В этих примерах можно усмотреть правило деления, согласно которому оно должно производиться только по одному основанию.

⁶ Более подробный разбор отношения «отец — сын» содержится в трактатах «О Троице» и «Против Евтихия и Нестория».

тивопоставления, дал способы правильного деления: выделить противоположное можно, даже если у него нет имени, — сформировать, пользуясь воображением. Имеются роды первые, последние и промежуточные, например, первый род — субстанция, последний — животное, промежуточный — тело. Первый род следует делить по собственному отличительному признаку, а не по последующему отличительному признаку, ибо, например, у тела одни отличительные признаки, а у животного — другие. Разделяя субстанцию на телесную и бестелесную, мы поступаем правильно, так как это отличительный признак субстанции. Если же делить субстанцию на живую и неживую, то деление не даст отличия субстанции. «Живое» — отличительный признак тела, а не субстанции, и он здесь ошибочно указан до рода (т. е. тела), а не после него.

Здесь Боэций разъясняет то знакомое нам правило деления, согласно которому не должно быть «скачка» при делении. «Скачок» происходит, когда мы «перепрыгиваем» через род сразу к следующему виду и тем самым приписываем признак некоторого вида роду.⁷ Итак, следует производить деление соответственно собственным отличительным признакам, идущим не после следующего рода, а до него.

Далее Боэций разъясняет еще одно правило деления, а именно требование полноты деления. Следует, пишет Боэций, чтобы деление не было слишком дробным, но и не было избыточным. При делении имеет место обращение, как и при определении. Пример последнего: добродетель — это наилучшее владение умом, значит, наилучшее владение умом есть добродетель. Так и при делении должны быть указаны виды собственного рода, и обратно: какие-то виды вместе составят свой собственный род. При этом деление может быть многократным, например, числа можно делить на равные и неравные, а можно — на простые и непростые. Треугольники делим сообразно сторонам на равносторонние, с двумя равными сторонами и с тремя неравными, но можно делить треугольники сообразно углам — на имеющие прямой угол, имеющие три острых угла и имеющие один тупой угол.

---

⁷ Например, когда делим живых существ на разумных и неразумных, перескакивая через их род (животное) непосредственно к виду — разумное. Признак «разумный» является отличительным признаком животного, а не всякого живого существа, куда входят наряду с животными и растения.

Связь деления с определением

Род — это сходство (*similitudo*) многих видов, указывающее на субстанциальное единство этих видов, род есть собрание (*collectivum*) видов. Здесь и далее следует обратить внимание на латинские термины, которые употребляет Боэций при описании логических операций. Так, члены деления он называет *дизъюнктивными* видами рода (*disjunctivae species generis*). Они образуются отличительными признаками, которых должно быть не меньше двух, а всякий отличительный признак основывается на множестве других отличительных признаков. Говоря об отличительных признаках, Боэций снова обращается к науке определения, которую призывает старательно изучить, но добавляет, что оставит здесь без внимания роль определения для доказательства, что так тонко исследовано Аристотелем во «Второй Аналитике». Боэций предлагает ограничиться правилом для определения понятия (*diffiniendi regulam*).

Из всех предметов познания одни — высшие, другие — низшие, третьи — средние. Высшие не имеют определения, так как для них нет высшего рода, также и низшие, поскольку лишены отличительных признаков. Значит, под определение подпадают только средние, т. е. те, которые имеют и род, и виды. Как строится определение? Сначала берем некое среднее [понятие] в качестве вида, ищем для него род и выделяем отличительный признак этого рода и, присоединяя к роду, проверяем, действительно ли род с отличительным признаком равен виду, который подлежит определению. Если он окажется больше вида, то снова берем этот отличительный признак и делим его на другие отличительные признаки и присоединяем уже два отличительных признака к роду; если оно равно виду, то говорим, что имеется определение вида, если же снова получится больше вида, то опять делим следующий отличительный признак. И так действуем до тех пор, пока все отличительные признаки отличительных признаков, присоединенные к роду, не опишут вид равным определением.

Далее Боэций разъясняет это правило на примере определения имени.⁸ Оно имеет над собой род и в качестве вида содержит под со-

---

⁸Как мы помним, определение имени дает Аристотель в трактате «Об истолковании», а Боэций неоднократно обращается к этому определению, в част-

бой индивиды. Берем род для имени — звук (vox) и делим все звуки на обозначающие и не обозначающие. Имя, конечно, обозначающий звук, однако этот род вместе с отличительным признаком не равен виду, т. е. имени. Ибо обозначающий звук может быть именем, а может и не быть им, ведь имеются обозначающие звуки, например, плача и других природных страстей. Значит, делим снова обозначающий звук на другие отличительные признаки. Одни из обозначающих звуков даны по отношению к человеку, другие — по отношению к природе. Конечно, с именем совпадает только тот, который обозначает что-то по согласию людей. Теперь присоединяем к роду два отличительных признака — обозначающий и по согласию людей — и получаем: «имя — обозначающий звук по установлению [людей]».

И снова получаем неравенство с именем, так как есть слова, выражающие состояние во времени. Теперь распределяем отличительный признак по состоянию во времени, согласно которому одни из обозначающих звуков указывают на время, а другие — нет. Имя, конечно, совпадает с отличительным признаком «без указания времени». Итак, присоединяем теперь три отличительных признака к роду и получаем: имя — обозначающий звук по установлению [людей] безотносительно по отношению ко времени. И снова определение не завершено полностью, ибо обозначающий звук может быть выражен не одним именем, а сочетанием имен, как, например, «Сократ с Платоном и учениками»: это хотя и незавершенная, но все же речь. Поэтому последний отличительный признак — безотносительно ко времени — следует разделить на другие отличительные признаки, а именно на речь, части которой что-то обозначают, и на простые имена, части которых уже ничего не обозначают.

Итак, правильное определение будет таким: «Имя есть обозначающий звук по установлению безотносительно ко времени, никакая часть которого в отдельности ничего не значит».

Мы видим, как Бозций последовательным делением рода получает через отличительные признаки вид, т. е. дает определение вида. Связь деления и определения здесь наиболее зрима, и Бозций пишет, что при делении род служит целым, а при определении — частью, т. е. при делении род распределяется на части, а при опре-

---

ности, в трактате «Введение в категорические силлогизмы» (см.: Вопросы философии. 1999. № 1. С. 145–148).

делении части соединяются в целое. При делении род «животное» служит для понятия человека целым, а при определении — частью. Далее, при делении последовательно делим животных на разумных и неразумных, разумных — на смертных и бессмертных, получая части — три признака, присущих человеку. А при определении соединяем эти три признака в целое: человек — разумное смертное животное. При делении род — целое, вид — части, но точно так же отличительные признаки — целое, а виды, на которые делятся отличительные признаки, — части. А при определении и род, и отличительные признаки служат частями.

Далее Боэций вновь уточняет, что следует понимать под целым и под частью. Целое понимают многообразно. Во-первых, целое может быть непрерывным, как тело или линия, а также не быть непрерывным, как стадо, народ или войско. Во-вторых, можно говорить о целом как об общем (*universale*), например, когда идет речь о человеке как таковом или о лошади вообще. В последнем случае отдельные люди и лошади являются для целого частями. Иногда также говорят о целом как о том, что состоит из различных добродетелей, как, к примеру, у души имеется не только способность мыслить, но и способность чувствовать, а также обладать жизнью. Все эти способности не являются видами души, но ее частями.

Деление звуков на обозначения: способы избегания двусмысленности

Боэций снова рассматривает способы деления звуко сочетаний, но теперь уже больше обращая внимание не на омонимы, а на двусмысленную речь. Что касается омонимов, то кроме случая, когда одно имя обозначает несколько предметов (как рассмотренное выше слово «пес»), бывает и такое, когда обозначения относятся не ко многим вещам, а к одному предмету, обозначенному разными способами. Боэций приводит в пример слово «бесконечное», которое обозначает один предмет, но предмет, не имеющий границ. О бесконечном можно говорить: 1) как о некотором способе измерения, когда мы пытаемся представить бесконечную Вселенную, 2) как о множестве — в случае, если речь идет о бесконечном делении тел, 3) как о виде, если говорить о фигуре, имеющей бесконечные виды, 4) применительно ко времени, ибо Вселенная бесконечна не толь-

ко в пространстве, но и во времени, 5) бесконечным мы называем и Бога как существо вечное, жизнь которого не ограничена временем.

Во всех этих случаях «бесконечное» обозначает одно, но при употреблении в речи предполагает ограничение, ибо если употребить без ограничения, сразу возникает сомнение, как и в случае, когда говорим просто «человек». Однако, замечает Боэций, хотя и всякая двусмысленность вызывает сомнение, не всякое сомнение двусмысленно. «Бесконечное», употребленное без ограничения, вызывает сомнение, но не двусмысленно. В двусмысленной же речи слушатель выбирает только один из двух возможных вариантов. Например, когда кто-то говорит, что «audio Graecos vicisse Trojanos»⁹, один полагает, что греки победили троянцев, другой — что троянцы победили греков, и сообразно сказанному каждый понимает одно из двух.

Чтобы делить звукосочетания, следует воспользоваться определением, ибо в этом случае мы видим, что делить надо не только обозначения, но и обозначаемые предметы. Аристотель, напоминает Боэций, старательно изложил этот вопрос в своей «Топике», в частности, когда говорил о том, что является благом: одно является благом, поскольку имеет качества благого, а другое называется благом, поскольку создает благою вещь. Боэций призывает больше упражняться в этой науке (видимо, науке определения), дабы, следуя указаниям Аристотеля, избежать софистических трудностей. Так, например, если у слова, обозначающего какой-либо предмет, нет подлежащего, то оно не является обозначающим, если же имеется хотя бы один предмет, его можно просто назвать. А если слово обозначает многое, значит, имеется и много обозначаемых предметов. Эти предметы следует разделить до того, как они будут включены в какой-либо силлогизм. Это замечание Боэция указывает на то, что он хорошо понимал, какую роль играет правильное деление в силлогистических умозаклечениях. Омоним, включенный в какой-либо силлогизм, приведет к логической ошибке — учетверению терминов. Также и термин, подразумевающий деление не на виды, а на части, не годится для силлогизма.¹⁰

---

⁹ Двусмысленность возникает здесь, как уже сказано, в косвенной речи в связи с используемой в ней инфинитивной конструкцией с двойным винительным падежом. Русский перевод всех приводимых ниже вариантов одинаковый: «Я слышу, что греки победили троянцев».

¹⁰ Так, если понимать слово «человек» как целое, в собирательном смысле,

Бозций уделил особое внимание двусмысленности речи и, в частности, косвенной речи. Дело в том, что в латинском языке имеется много способов передачи чужой речи и соответствующих им грамматических конструкций. Эти конструкции, обладая, с одной стороны, краткостью и согласованностью времен, с другой стороны, порождают двусмысленности, как в приведенном выше примере Бозция: «*audio Craecos vicisse Trojanos*». Часто в таких конструкциях одна из альтернатив оказывается невозможной, например, если говорят, что «*hominem comedere panem*»¹¹. Понятно, конечно, что человек съел хлеб, и невозможно, чтобы хлеб съел человека. Значит, когда обращаются к содержанию, следует отделить возможное от невозможного и, стремясь к истинности, высказывать только возможное, а невозможное оставить без внимания.

Далее Бозций рассматривает способы избегания двусмысленности. Двусмысленной может быть как отдельная часть речи, так и вся речь. Однако если омонимична какая-либо часть речи, то и вся речь оказывается многозначной. Речь двусмысленна, например, когда говорят: «Человек живет» (*homo vivit*); здесь можно отнести сказанное и к настоящему человеку, и к нарисованному. Подставляем вместо человека его определение и снова делим эту речь: «разумное смертное животное живет» — это будет истинно, а «изображение разумного и смертного живет» — ложно. Другим способом избегания двусмысленности является присоединение чего-либо, что ограничивает термин: либо присоединение какой-либо части речи, либо присоединение рода, либо ограничение термина при помощи падежа. Бозций сопровождает эти способы латинскими примерами. Также он приводит примеры латинских слов, одинаковых по написанию, но с разным ударением и значением, а также слов, одинаковых по произношению, но разных по написанию и значению.

Двусмысленность же в косвенной речи он предлагает убрать синтаксическими способами: 1) либо посредством добавления слов: «*audio Trojanos vinci, Craecos vicisse*»; 2) либо посредством ограничения: «*audio Craecos vicisse*», 3) либо посредством деления: «*Craeci vicerunt, Trojani victim sunt*» — «Греки победили, троянцы побеждены»; 4) либо посредством некоторого преобразования:

то включение его в силлогизм приведет к ошибке: «Человек вышел в космос. Цицерон — человек. Значит, Цицерон вышел в космос».

¹¹Буквально: «человека съесть хлеб».

«audio Trojanos vicisse Graecos» преобразуем в «audio quod Graeci vicerint Trojanos», т. е. переводим инфинитив в личную форму глагола.

Способов разрешения двусмысленности столько, сколько их допускает конкретный язык. Это отличает двусмысленность от деления рода, при котором должны быть перечислены все виды. Таким образом, Боэций заканчивает рассмотрение видов деления звуко-сочетаний синтаксическими способами разрешения двусмысленностей. Следует отметить, что Боэций сумел перечислить здесь большую часть случаев, ставших классическими при логическом анализе естественного языка.

Деление по привходящему признаку

Что касается деления по акциденции, по привходящему признаку, то Боэций не рассматривает его подробно, видимо, потому, что этот вид деления аналогичен делению рода на виды: при делении, например, предмета на привходящие свойства следует распределять их на противоположности (т. е. не делить тела на белые и сладкие, а делить на белые, черные и промежуточные). Не следует оставлять без внимания в этой противоположности каких-либо привходящих свойств, присущих предмету, но не названных при делении, но не следует и прибавлять какое-либо свойство, которое не может быть присуще предмету.

Боэций указывает, что поздние перипатетики старательно описали *все* особенности делений и выделили два способа деления: деление само по себе и деление по привходящему признаку, однако, отмечает он, древние часто употребляли, не различая, привходящее вместо рода, а также вместо вида и отличительного признака. Можно добавить, что такое смешение видов деления имеет место и по сей день, и Боэций, к сожалению, не рассмотрел в своей работе более подробно деление по привходящему признаку.

К вопросу об определении

Как видим, в трактате о делении Боэций немалое место отводит определению. И не только в этом, но практически в каждом из трактатов Боэция затрагивается тема определения. Возможно,

это послужило причиной того, что среди сочинений Боэция был помещен единственный дошедший до нас от периода поздней античности трактат, целиком посвященный теме определений — «Об определении». В авторитетном издании Ж.-П. Миня он помещен непосредственно после трактата «О делении»¹².

Однако авторитетными исследователями Г. Узенером (H. Usener, 1877), Т. Штанглом (Th. Stangl, 1888) и П. Адо (P. Hadot, 1971) установлено, что данный трактат принадлежит Марию Викторину (280–363). Недавно этот трактат издан вновь, сопровождаемый переводом на немецкий язык, введением и подробнейшими комментариями¹³.

Тема определения присутствует и во многих других трактатах (например, в «Браке Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, в комментариях Александра Афродизийского и Давида Анахта к «Категориям» Аристотеля, в «Диалектике» Иоанна Дамаскина и др.), но по большей части фрагментарно.

Поскольку Боэций не указывает свои источники, можно говорить лишь о той традиции, которую он продолжает. В ряду имен, которые могут быть упомянуты в связи с этим, — Платон, Аристотель, Хризипп, Антипатр из Тарса, Цицерон, Квинтилиан, Гермоген из Тарса, Порфирий и др. Заметим, что в трактате явно преобладает рассмотрение определения в риторическом свете. Цицерон упоминается 59 раз, в то время как Аристотель — два раза. Когда излагается первый вид определения — философское, сущностное определение, текст указывает на знакомство автора с идеями «Метафизики» и «Топики» Аристотеля, а также «Введения» Порфирия. Анализируя этот вид определения, автор несколько раз указывает на «Топику» Аристотеля, правда, перечисляет и разбирает пять предикабилей (к тому времени этот термин был уже распространен), как они разработаны Порфирием, и далее на примерах подробным образом рассматривает определение через род и видовое отличие. Сущностному определению отводится особое место. Остальные 14 видов определений автор относит к риторическим: это энноматическое (понятийное), качественное, определение через аналогию, отрицание, метафору и т.д.

¹² *Anicii Manlii Severini. Boetii Liber de diffinitione* // Migne J.P. *Patrologiae cursus completus. P. Patrologia latina*. Т. 64. P. 892–910.

¹³ C. Marius Victorinus: *Liber de definitionibus* / Hrsg. von A. Pronay // *Studien zur klassischen Philologie* 103. Frankfurt a.M., 1997.

Названия перечисленных видов определений даны по-гречески: 1) οὐσιώδης — сущностное, 2) ἐννοηματικὴ — подлежащее одному понятию, 3) ποιότης — качественное, 4) υλογραφικὴ — описание и т. д. Перечень свидетельствует о том, что автор пользовался греческим источником, по всей видимости, стоическим, так как применяемые им термины стоического происхождения. Данный вывод косвенно подтверждает и сам автор в первой фразе своего трактата, утверждая, что авторы диалектики (т. е. стоики) и весьма часто Цицерон указывали на определение как первую из речей в диспутах. Однако, разъясняя риторические виды определения и используя при этом стоические греческие термины, автор трактата приводит примеры Цицерона из трактата «О нахождении» («De inventione»).

Обращение трактату «De definitionibus» убеждает нас, что его перевод, публикация и обсуждение позволят лучше понять становление теории определения, а возможно, выявят новые факты для разрешения вопроса об авторстве этого сочинения.

* * *

Пользу своего труда Боэций видит в том, что несмотря на краткость трактата, который он считал лишь введением в науку деления, он сумел выявить общее во всех видах деления и в то же время указать на собственное отличие каждого из них. «Мы старательно описали все деления, насколько нам позволила краткость введения», — заключает Боэций свой труд.

Пользу трактата Боэция ощущаем и мы, читатели XIX века. Благодаря нему мы знакомимся с исследованиями перипатетиков и стоиков, которые не дошли до нас. Трудно судить сейчас, через пятнадцать веков, о степени оригинальности и новизны данного сочинения, однако с уверенностью можно заключить, что методический талант Боэция позволил ему сделать то, что, возможно, оказалось не под силу другим мыслителям. Ему удалось:

- дать обстоятельный обзор всего того, что относится к делению,
- провести правильное, логическое деление самого деления,
- изучить виды деления и сравнить их друг с другом,
- показать неразрывность логических операций деления и определения,
- показать, что всякое деление (в том числе деление по приводящему признаку) служит цели определения,

- дать образец логического анализа естественного языка, используя как логические, так и семантические и синтаксические способы деления,
- и, наконец, перевести на латинский язык учение, которое до него было достоянием лишь тех, кто знает греческий язык.